

Резные наличники из кирпича, вычурные фронтоны и прочие украшения наружных стен делают творения человеческих рук неповторимыми образцами зодчества двухвековой давности. В этом плане Новая Михайловка – уникальное село в районе.

Николай Федорович Ермолаев в молодости был красавцем, сердцеедом и охотником. Страсть к приключениям вела его по жизненному пути твердой рукой. Ему сейчас без малого восемьдесят, в почтенных годах человек, но молодой задор нет-нет да блеснет в острых не по-старчески глазах. Самородок, мастер «золотые руки» - говорят про таких в народе, ведет свою родословную с времен стародавних.

Дед, Яков Иванович Ермолаев, работал у помещика Темирязева. По его воспоминаниям человека доброго и внимательного к крестьянам. Большую псарню держал, в коей наличествовали волкодавы, гончие, борзые.

Однажды, когда барин со своей сворой ехал по деревне, доведенный до отчаяния мужик выстрелил из самодельного пугача по собакам. Урону никакого, шум один. Темирязев остановился.

— Ты чего собак пугаешь? Что они тебе сделали? - укоризненно вещал дворянин.

Мужичонка только руками разводил, мол, бес попутал. Темирязев слез с коня:

— Веди в дом.

Мужик повиновался. Бар

ин посмотрел как живет человек, нахмурился.

— Чем корову-то кормишь?

— Известное дело, барин, чем – соломой с крыши.

— Вот, что Прокоп, сейчас же приди ко мне в имение. И уехал.

Хозяйские заволновались: «Быть тебе биту за то, что стрельнул в собак».

Прокоп понуро побрел в имение. Вернулся с возом сена. Это ему Темирязев отрядил, чтоб корова, кормилица семьи, не сдохла, и лошадь с подводой дал, чтоб сено довести.

И таких примеров было немало. Кому барин даст леса избенку поправить, кому урожай подсобит убрать, выделив помощников, кому овцу задарит. Известное дело, как люди жили в то время: у каждого семьянина семеро по лавкам, а кормить подчас нечем.

Прадед Николая Федоровича Иван рассказывал о том, что в давнее время отпачковалась часть жителей Старой Михайловки по причине перенаселенности, поначалу к Волге подалась, но вернулась, осела в здешних местах, назвав новое место жительства по сложившейся традиции Новой Михайловкой. То были староверы.

Отличались они от господствующей религии тем, что крест клали двумя перстами, да ходили не в церковь, а свои молельные дома.

Перенесли они на новое место жительства не только нравственные устои, запрещавшие курить и пить вино, но и бытовые. Дома возводили из кирпича, который сами и делали, сырец обжигали за деревней в глиняном карьере. Благодаря своей чрезвычайной работоспособности, жили они крепко. И обособленно. Потому и прозвали их кулугурами. Редкое селение может похвастаться сейчас вычурной архитектурой своих домов, построенных два-два с половиной века назад. Это стиль, как говорили люди, купеческий. Толстосумы могли себе позволить палаты каменные. А тут простые крестьяне создали неповторимый облик села, взяв за основу архитектурные наработки своих пращуров из Старой Михайловки. Все старожилы были мастерами своего дела. Могли дом сложить, баню поставить, раму связать, шкуры обделать, шубняк сшить, пчел водить и по кузнечному делу многое справиться.

Видимо с генами передалось умение и Николаю Федоровичу. Старенький ли «Москвич» поставить на ход, часы ли выброшенные за негодностью восстановить или еще какую хозяйственную надобность справиться – Ермолаев не последний человек в селе. А потому у дома две машины, древние, но на ходу, а в доме все стены часами увешаны, и их монотонный ход улаживает слух хозяина, а гостя убаюкивает.

— Жил когда-то здесь крепкий хозяин, - рассказывает Ермолаев, - пасеку большую держал в Хуторском лесу, который наши сельские Названовым окрестили. Ходили к нему михайловцы за наукой. Вот с той поры по его фамилии и стали лес называть Названовым.

Демид Лукьянович Назаров, кузнец, здоровяк, дымари ему изготавливал и так, что нужно. Дед Владимира Соломонова Тимофей Тимофеевич Соломонов умелец, садовод и кулугур, вершил стога. Надо сказать, работу эту могли выполнять далеко не все. Уложат стог так, что ни дождь, ни буран ему не навредит. Весь год сено хранит сухость и пахучесть.

Колхоз образовался здесь одним из самых первых в районе под названием «Плодовод», потому как село в садах терялось, и по весне утопало в белой кипени цветов. С незапамятных времен здесь растили сады. Лог Яндова торном был весь покрыт. Из него лямбирцы вино приструнились делать.

Два раза деревню жгли, но она восставала, как птица Феникс из пепла. Первый раз после революционного 17 года, потом после раскулачивания. Сведущие люди нашептывали, что, мол, беда из-за границы пришла. Оттуда большие деньги платили поджигателям, чтоб вредить советской власти.

Ермолаев умолк. О чем-то задумался. Воспоминания сполохами проносились по его лицу. Затем очнулся от грез и продолжил свой рассказ о деревне, в которой в каждом дворе жил когда-то мастер. «Теперь таковых уже не осталось практически. Например, печь сложить я еще могу, а более в округе таких днем с огнем не сыскать». Избу тоже своими руками, трактор, чтоб огород обрабатывать, этажерку с точеными ножками и многое другое, что в домашнем хозяйстве необходимо, делал с прилежанием и большой охотой. И сейчас не сидит без дела. Занимается своими поделками, да на охоту ходит.

Н. ДЮЖЕВ.

